

Викентий Вересаев

Ребята

Викентий Викентьевич Вересаев

Ребята

Аннотация

«У крыльца дома, под липами, Татьяна Сергеевна варила варенье из зеленого крыжовника. Бабушка в синей блузе и очках чистила малину, а тетя Соня ничего не делала, держала в руке заложенную зеленой веточкой книжку «Русской мысли» и ела с блюда чищенные ягоды...»

Викентий Вересаев

Ребята

У крыльца дома, под липами, Татьяна Сергеевна варила варенье из зеленого крыжовника. Бабушка в синей блузе и очках чистила малину, а тетя Соня ничего не делала, держала в руке заложенную зеленой веточкой книжку «Русской мысли» и ела с блюда чищенные ягоды.

Белыми, красивыми своими руками Татьяна Сергеевна встряхивала над жаровнею таз с закипавшим вареньем – вдруг опустила таз и испуганно сказала:

– Господи, одну выпустили! Ах, эта нянька!.. Галечка, подожди, милая!

На крыльце стояла дочка Татьяны Сергеевны – Галя. Ее темные, мягкие волосы были подрезаны на лбу, щеки покраснелись от сна. Серьезными глазами она глядела себе под ноги и собиралась спускаться по каменным ступенькам.

Тетя Соня бросилась ей навстречу, взяла на руки и принесла к столу.

– Галя спала сейчас?

– Да.

– А яичко ела Галя? Кокочку? Кушала кокочку?

Галя пристально глядела на блюдо с малиной. Бабушка сказала:

– Галя, что ж ты с бабушкой не здороваешься? Иди к ба-

бабушке, бабушка ягодку даст.

Галя встрепенулась.

– Ягодку!

Тете Соня крепко поцеловала Галю и воскликнула:

– Ох ты моя красавица!.. Ну, иди к бабушке через стол.

И поставила Галю на край стола. Бабушка протянула к ней руки:

– Ню, Галенок! Ню, ню!.. Иди!

Галя, с серьезными глазами, с улыбкою в углах губ, пошла, осторожно ступая по столу ножками в желтых туфельках. Дошла до края, рассмеялась и бросилась на руки к бабушке.

– Ах ты галчонок мой! Молодец! Ну, здравствуй!

Бабушка поцеловала Галю в щечку, дала ей с блюда две спелых, сочных малины и спросила:

– Ты любишь бабушку?

Галя рассеянно протянула:

– Любу. – И опять внимательно уставилась на блюдо с малиной. – Дай ягодку!

– Галя кушала, больше нельзя. Тут все ягодки бяки. Фу, фу! Их нельзя кушать!

Галя сказала:

– Хочу бегить.

Изогнулась туловищем и сползла с колен бабушки наземь.

За крыльцом, около выступа низкого фундамента, возились в песке трехлетний брат Гали Митя и сынишка управ-

ляющего Вова. Митя был худенький и тоненький, на тоненьких ножках в черных чулках, с бледным городским лицом; Вова – пухлый и неуклюжий, с большим мягким ртом; на голове его была мягкая шапка с кисточкой на макушке, одна штанина опустилась на башмак. Оба были серьезны и озабочены. На выступе фундамента они построили из кирпичей загородку и засыпали песком промежутки между кирпичами. Вова радостно улыбался мягким ртом и говорил:

– Тут катаны сюда не пройдут.

Митя пренебрежительно возразил:

– Игде? Тут пройдут, тут пройдут... Везде пройдут.

В городе для ребят «катанами» были просто тараканы. Но здесь в деревне, катанами стали все бесчисленные козявки и особенно красные древесные клопы, которыми кишел двор и сад. Нужно было построить такой дом, чтобы катаны не могли в него вползти.

Митя сказал:

– Нужно еще песочку!

И стал загребать лопаточкой песок. Галя повторила про себя:

– Еще песочку!

И тоже взялась за лопаточку. Но нашла в песке старый стоптанный лапоть и, сопя, стала его откапывать.

Из сада выбежал во двор Котя, другой сын управляющего. Он был немножко старше Мити, загорелый, с черными, быстрыми глазами. Поднял сжатый кулак и крикнул:

– Белая бабочка с ногами!

Галя повторила:

– С ногами!

Широко открыла глаза и подошла к Коте. Котя осторожно положил на фундамент серую ночную бабочку с мохнатыми ногами. Галя удивилась: она ждала, что у бабочки будут ноги вроде Митиных – тоненькие, в черных чулках. Вова тоже подошел посмотреть и изумленно разинул мягкий рот.

Бабочка, расправляя помятые крылья, быстро поползла по направлению к Гале. Галя испуганно засмеялась.

– Белая... бабиська!..

И попятилась назад. Подошел Митя.

– Что тут? – Вдруг лицо его стало серьезным. – Катан!

Он взял бабочку и понес к стене. Все пошли за ним. Митя тщательно запихал бабочку в щелку между двумя досками обшивки. Вова засмеялся и удовлетворенно сказал:

– Нету катана! Лег домой спать!

Стали смотреть в темную щелку. Галя тоже засмеялась.

– Катана... нету!

Бабушка крикнула из-за стола:

– Ты чего, Котя, один в сад бегаешь? Хочешь, чтоб старики тебя взяли?

– Там нету стариков.

– Как нету? Они под кусточками спрятались. Увидят, мальчик один бежит по саду, и поймают.

Котя утер ладонью нос и взял лопатку.

Митя стоял на коленях и придерживал руками подол своей рубашки, а Котя, с угрюмым лицом, как у дворника Ермолая во время работы, накладывал в подол песок и при этом считал:

– Раз, два, три, семь, одиннадцать, двенадцать, десять, восемь... Будет!

Митя шел и вываливал песок на фундамент около кирпичной загородки.

На крыльцо флигеля вышла жена управляющего, худая, с подвязанной щекой. Она крикнула:

– Котя, Вова! Чай пить!

Котя и Вова пошли к флигелю. Митя и Галя внимательно глядели им вслед. Двор был общим владением, во флигель им доступа не было. И флигель представлялся им очень привлекательным, и казалось, что там едят особенно вкусно. Коте и Вове таким же привлекательным казался барский дом.

Галя постояла и нерешительно пошла к флигелю. Няня ее остановила.

– Куда ты, Галечка? Нельзя туда ходить.

Гале бросилось в глаза блюдо с малиною на столе, она подошла и важно сказала:

– Я писоль (пришел)!

Тетя Соня привлекла ее к себе и крепко стала целовать.

– Ах ты моя красавица!

– Дай ягодку!

Митя услышал, подошел к столу и тоже сказал:

– Ягодку!

Бабушка ответила:

– Нельзя ягодку, ягодки бебеки, в них червячки!

Митя с любопытством поглядел на ягоды.

– Где червячки?

– Они спать легли в ягодки. А если ягодку положить в рот, они проснутся и укусят, больно будет.

Татьяна Сергеевна говорила:

– Ужасно я боюсь этого времени. Ягоды, ягоды везде – того и гляди кровавый понос получают дети.

Бабушка прибавила:

– Смотреть нужно, чтоб бузины они не наелись. Там на куртине около дорожки куст, – совсем над землею ягоды. Нужно Ермолаю сказать, чтоб подрезал ветки.

Она доложила в рот ягоду. Митя все время внимательно следил за нею. Глаза его лукаво блеснули.

– Дай ягодку!

Бабушка поскорее выплюнула ягоду.

– Фу! Бебеки ягодки! Тьфу! Червячок укусил!

Митя схватил горсть ягод и запихал их в рот. Все рассмеялись. Тетя Соня сказала:

– Ну, Татьянка, шельмец он будет у тебя. Знает, разбойник, где раки зимуют... Митя, ты знаешь, где раки зимуют?

– Знаю.

– Где?

– Далеко... – Вдруг Митя взволновался. – Няня, Галя

грязная!

Татьяна Сергеевна всплеснула руками: у Гали все губы были в саже.

– Что ты ела?

– Бяки!

– Ах ты негодница!

Галя самодовольно повторила:

– Бяки!

И засмеялась. Воспользовавшись суматохой, она лизнула край таза с остывающим вареньем. Татьяна Сергеевна засмеялась.

– Господи! Прямо как тараканы, так везде и ползут... Няня, пойдй умой Галю.

Митя продолжал вертеться около больших и высматривал, чем бы еще можно поживиться. Тетя Соня лениво играла железным безменом, на котором вешали ягоды. Она зевнула и спросила Митю:

– Хочешь, Митя, я тебя ударю этой палкой по голове?

– Не хочу.

Тетя Соня удивилась.

– Почему ты не хочешь?

Митя отвернулся и пошел к песку. Тетя Соня схватила его и стала целовать. Митя сначала засмеялся, потом вдруг заплакал и стал вырываться. Тетя Соня рассердилась и спустила его на землю.

– Фу! Скверный мальчик, бяка! Плакса эдакий! А еще

мальчик! Ступай прочь!

Няня с Галей подошли к столу. Тетя Соня спросила:

– Галечка, ты умылась? Пойдем-ка кушать конфетку.

Галя, розовая от умывания, поспешила к тете Соне, бросилась в ее объятия и сказала:

– Конфетку!

– Ах ты моя ненаглядная! – Она впилась губами в щеку Гали. – Ну, пойдем кушать конфетку! – Взяла Галю на руки и пошла к крыльцу, не глядя на Митю.

Митя жалко улыбнулся.

– И мне конфетку!

Тетя Соня строго ответила:

– Ты скверный мальчик, тебе нельзя конфетки.

Она пошла с Галей в свою комнату. Митя шел следом. Тетя Соня достала из комода мешочек с карамельками и восхищенно проговорила, как будто и сама замирала от предвкушения ждущей их радости:

– Ну, Галечка, давай конфетки кушать!

Митя стоял, подняв брови. Галя стала разворачивать леденец, поглядела на Митю и сказала:

– И Мите конфетку.

– Митя скверный мальчик, ему нельзя конфетки.

Митя предупредительно улыбнулся.

– Дай конфетку!

– А не будешь вперед плакать?

– Нет.

– Никогда не будешь? Срам какой! Чуть тронут, сейчас: эээ!.. Хорош мужчина! Так никогда больше не будешь плакать?!

– Никогда.

– Ну, поцелуй меня.

Митя поцеловал тетю Соню и получил конфетку. Галя развернула свой леденец и стала есть. Тетя Соня жалобно сказала:

– Галечка, а что ж ты тете не дала? У тети нет конфетки!

Галя подумала, поглядела на тетю Соню, откусила кусочек и дала ей.

– Смотри, Митя, как у меня мало. Дай и ты мне кусочек.

Митя насмешливо взглянул и спрятал конфетку за спину.

– Не дашь? – Тетя Соня потемнела.

Митя смотрел и держал конфетку за спинойю.

– Ну, пошел вон отсюда! Жадный мальчишка! Никогда больше не дам конфетки! Скверный мальчик! Уходи!

Она вытолкала его за дверь.

Котя и Вова напились чаю и были уже во дворе. Митя присоединился к ним. С визгом и криком они поскакали на палках по двору. Галя услышала крики и поспешила отделаться от тети Сони. В простоте души она еще верила в правдивость больших, но и она уже чувствовала, как они скучны и глупы. Им можно было отдавать только до тех пор, пока это было выгодно.

Ребята мчались на палках по двору, подгоняя своих коней

короткими палочками. Котя, с нахмуренным лицом, закусив губы, скакал молча. Митя мчался, в упоении закинув голову, и издавал отчаянные визги. Вова, поглядывая на него, прыгал и тоже визжал.

Галя поскакала следом за Вовой. Она скакала сосредоточенно и серьезно, падала, поднималась и мчалась дальше.

Вова заехал в густую полынь за водовозного бочкою и прыгал, высоко загребая ногами. Галя запуталась в полынных кустах, бросила палку и равнодушно сказала:

– Не хочет!

Вова перестал прыгать, в раздумье оглянулся и подтянул штаны; потом полез за пазуху и достал четыре стручка гороху. Галя потянулась к нему и озабоченно спросила:

– Что?

Вова поджал губы, показал стручки и снова зажал их в кулак, Галя просияла и умильно уставилась на Вовин кулак.

– Гауошек!

Вова раскусил стручок и, глядя вдаль мимо Гали, стал выбирать зубами горошины. Галя серьезно и вразумительно сказала:

– Дай!

Вова мигнул и продолжал есть, глядя на бочку, Галя внимательно смотрела ему в рот.

– Дай... анну (одну)!

Вова вздохнул. Галя настойчиво и вразумительно повторяла, как будто гипнотизируя Вову:

– Да-ай!

Вова помолчал, поднял брови и протянул Гале стручок. Галя стала его грызть, а Вова поскакал через полынь к ограде.

Няня позвала Митю и Галю есть котлетку. Они пошли к крыльцу, и теперь Котя с Вовой внимательно смотрели им вслед. Митя и Галя с важными лицами прошли мимо.

Когда дети поели, няня вышла с ними в сад. На ковре, под липами, сидела нянька управляющего, Гашка, босая девка в красном платочке; на руках она держала Шуру, двухмесячную дочь управляющего. Шура агукала, разинув рот, пускала слюни и тарасила на кусты удивительно жизнерадостные и глупые глаза. В руках она держала «тим-там», – бронзовую веточку, увешанную звоночками. Няня сказала:

– Гаша, пригляди за ребятами, я пойду чайку попью.

И ушла. Шура изумленно испустила: «Ааа!» – уронила звонки на ковер и стала запихивать в рот кулак.

Митя поднял звонки и помчался на палочке в глубину сада, звеня над головой звонками. Другие за ним следом, Гашка крикнула вслед:

– Куда бежите?! Погодите, вот вам старики зададут!

Галя споткнулась о выступ корня на дорожке и упала вместе с палкою. Не поднимаясь, она искоса взглянула на Гашку и сказала:

– Я апаль!

Гашка насмешливо передразнила:

– «Апаль»!.. Упала, так подымись!

Галя помолчала, продолжая лежать животом на дорожке, и настойчиво повторила:

– Я апаль!

Гашка засмеялась.

– «Апа-а-аль!»

Галя скосила лицо и собралась плакать, но спереди донесся веселый визг Мити. Галя поднялась и поскакала.

Добрались до самого конца сада. Выло тихо, солнце садилось за далекие березы. В вишнях звенела мошкара, стручки акации с легким треском лопались, и зерна сыпались на землю. Вдруг в зеленой чаще вишенника глухо зашумело и затрещало. Вова робко сказал:

– Старики!

Ребята насторожились. Галя тихо повторила:

– Талики!

В кустах что-то продолжало ворочаться, все ближе верхи смородины закачались. Ребята стояли неподвижно. На минуту шум смолк, стало тихо, только в смородине трещали кузнечики. Потом опять зашумело в кустах.

Вдруг Котя громко крикнул:

– Эй, какой там? Выходи!

Крикнул – и вдруг стал храбрым. Решительно сделал шаг вперед, размахнул кнутиком и повторил:

– Какой там, эй?

Тогда и все другие почувствовали смелость. Стало весело

и жутко. Митя взмахнул звоночками и тоже крикнул:

– Какой там, эй?

А Котя пригрозил грубым, страшным голосом, как у дворника Ермолая:

– Вот я тебе кнутовищем по лобу закачу!

В зеленой чаще зашуршало ближе. Ребята попятнулись и замолчали. Вдруг Галя подалась вперед, топнула ногой и крикнула:

– Какой там, эй?

Ветки смородины закачались, и из кустов, равнодушно помахивая хвостом, вышел Цыган.

– Цыганка!

Ребята радостно засмеялись. Цыган живет помахал хвостом и лениво подошел. Ребята поскакали на палочках к дому.

Солнце село. На заросший муравкою двор въезжали из ворот работники с сохами. Из темневшей чащи сада потянуло росой, в фундаменте дома задумчиво трещал сверчок; на деревне блеяли овцы.

На крылечко флигеля вышла жена управляющего.

– Котья! Вовка! Где вы пропадаете? Домой скорей, ужинать!

Котя и Вова пошли к флигелю. Митя и Галя гарцевали вокруг них на палках и подвигались вместе с ними. Чем ближе к флигелю, тем холоднее и враждебнее становились лица Коти и Вовы. На дворе Котя дружил с Митей, а Вова с Галей,

но тут, около их флигеля, Котя с Вовой чувствовали себя в одном лагере против Мити и Галя.

Котя и Вова стояли на верху деревянного крылечка, негодующие и оскорбленные присутствием Мити и Галя в их владениях. Митя и Галя стояли внизу и вызывающе поглядывали на оскорбленных владельцев.

Котя сказал:

– Тут наш дом!

Митя возразил:

– А у нашей мамы есть много шоколаду!

На это Котя ему ответил:

– И нам завтра мама купит шоколаду!

И Вова гордо подтвердил:

– Нам мама завтра купит много хакаладу!

Коте хотелось перейти в наступление. Он поглядел на ограду, на бочку, подумал и крикнул:

– Не смей брать Шурины звоночки!

Митя ответил торжествующе:

– Буду брать! Буду брать звоночки!

Галя сказала:

– Я буду брать хваночки!

Вова топнул ногой и крикнул, закрыв глаза:

– Не смей брать!

Митя хладнокровно ответил:

– Буду брать!

– Не смей ходить в наш дом! – крикнул Котя.

Митя, глядя ему в глаза, поднялся на первую ступеньку, Котя угрожающе спустился ступенькою ниже. Митя ступил на вторую ступеньку. Котя бросился навстречу, Митя кубарем покатился наземь.

Отчаянный крик пронесся по двору. Из дому выбежали Татьяна Сергеевна и няня. Котя стрелою помчался во флигель, лег на кровать и закрыл глаза.

Плачущая Татьяна Сергеевна сидела в зале за столом и прикладывала компрессы со свинцовой примочкой к громадной шишке на Митиной голове. Митя упоенно плакал и закатывался.

Татьяна Сергеевна рыдала, целовала Митю и повторяла:

– Эта противная, подлая нянька! Всегда, всегда так... Завтра же ступай вон! На что ты мне нужна? Никогда тебя нет при детях, все только чай пьешь в кухне! Сколько раз тебе говорила, – подальше держи детей от этих сорванцов!..

Виноватая няня старательно поила с блюдечка Галю кипяченым молоком. Галя пила молоко и внимательно глядела исподлобья на плачущего Митю. Расстроенный управляющий пришел извиняться. В раскрытые окна доносились из темноты вопли Коти, которого пороли.